Хвост Греры

Автор:
Вероника Мелан

Хвост Греры

Вероника Мелан

Город

Она решила понести наказание за мелкое правонарушение, избрав провести тридцать дней на экспериментальном Уровне. Кейну Дельмар никто не предупредил о том, что во мраке тумана, там, где материя зыбка, а дороги, предметы и здания пропадают через минуту, водятся существа инородного происхождения. Роковая встреча с таким оборачивается наличием в клетках Кейны «подселенца».

Он жесток, рационален и холоден. Его работа на СЕ заключается в том, чтобы мутанты – в человеческом теле или без него – не вышли на поверхность. Если носитель «заразен», его необходимо заставить страдать, потому как гормон стресса – яд для инородной субстанции. Лиам Карра – Комиссионер, он всегда верен долгу и собственным принципам. Даже в том случае, если очередным носителем окажется хрупкая на вид человеческая девушка. Даже если ему придется ее «сломать».

Вероника Мелан

Хвост Греры

Вероника Мелан

* * *

Благодарности

Любови Алексеевой за помощь в проработке деталей сценария. Ценю.

Инне Карташовой за помощь в поиске верных по частоте музыкальных композиций.

Наталье Рыбалкиной за ценные идеи.

Маме за слова: «Дочь, даже если ты не напишешь вторую часть, это уже гениально!»

Пролог

(TTL – Deep Shadow)

Как однажды поведал мне человек, вынырнувший из тумана, Уровень CE (Crucial Elements) – место, где Комиссия ставит опыты над истончившейся материей. Разрывает ее, изменяет ее свойства, ввиду чего пространство искажается, а миры начинают пересекаться.

– И мы, люди, здесь живые датчики, понимаешь? Они следят за изменениями в наших телах, после чего решают, можно ли использовать открытия или нововведения в повседневной жизни. Думаешь, здесь безопасно?

Я знала, что здесь опасно. Любой дурак ощутил бы это в первую минуту прибытия, и отвечать не имело смысла.

– Мы здесь живо?метры, – добавил незнакомец с обреченным смешком, прежде чем нырнул обратно в мутную мглу.

Наверное, он имел в виду «дозиметры». Живые измерители.

И да, его слово звучало вернее, оно звучало жутко и правильно.

Живометры.

Часть первая

Глава 1

Тринадцатый день на СЕ.

Я скучала по небу. По любому: облачному, ясному, закатному, хмурому, пестрому, как дымчатая кошка, но неба здесь, наверное, не было. Зато всегда был туман, расходившийся так редко, что, когда это происходило, казалось, к тебе вернулось зрение.

Вечная ночь. Рассвет изредка являлся, но не чаще раза в сорок восемь, а то и в семьдесят два часа, и законам не поддавался. Как и все здесь.

Я шла в магазин. То и дело косилась на браслет-компас, вшитый в рукав робы. Без него, браслета, отыскать здание с продовольствием не представлялось возможным, так как последнее всегда меняло местоположение, а тьма путала.

В первый день прибытия на СЕ мне казалось, что здесь город. Безымянный и очень странный, но все-таки человеческий, пусть и потонувший во мраке. Эта иллюзия сохранялась по сей день, хоть теперь я не рисковала сворачивать в незнакомые переулки, как когда-то. Этот город врал. То тут, то там туман проявлял неоновый свет, и верилось, что рядом голоса, музыка и даже бар, но

попытки отыскать его всегда оборачивались глухими тупиками. Лужи никогда не отражали блеклый свет фонарей и выглядели черными дырами – наступать на них я не решалась.

Я Кейна. Кейна Дельмар. И была сослана сюда Комиссией отбывать наказание сроком в тридцать дней. Не так уж долго, скажете вы. Я тоже так считала… А теперь все чаще склонялась к мысли о том, что мужчина, сопровождавший меня в Нордейле из зала Суда до комиссионной машины, тот мужчина, который предупредил, чтобы я не выбирала СЕ (*речь о диалоге Кейны и Рида Гехер-Варда из книги «Билет «Земля – Нордейл». Прим. автора), был прав. Отправься я на год в закрытый Корпус, читала бы сейчас спокойно книги, спала по расписанию и ела три раза в день.

Здесь спать почти не удавалось.

Иногда здание трясло. Иногда что-то гудело снаружи так, что хотелось зажать уши, и было страшно, что на месте моего временного дома и меня самой к утру обнаружится очередная черная дыра. Страх пожирал. Но моя временная обитель пугала еще сильнее. Три этажа, длинные коридоры, и, кроме меня, ни души. Я, помнится, в первый день пыталась стучать в закрытые двери в надежде, что одна из них откроется, но этого не случилось. Никого. Теперь, после двух недель одиночества, я (не верится, что я однажды сказала бы такое в привычном светлом мире) была бы рада любому обществу. Даже если этим обществом оказался бы идиот, тупая малолетка или алкоголик. Лишь бы кто-то дышал рядом, кто-то живой. Окончательно я разлюбила собственный дом, когда, задумавшись, случайно прошествовала по лестнице на четвертый этаж. Этаж, которого не было. Это случилось на третий день моего пребывания на СЕ. Назад я рвалась с хриплыми криками, бегом, опасаясь, что пол подо мной растворится, что я навсегда застряну в нигде.

«Нигде» отлично описывало это место. Если вчера ты мог пройти по улице, похожей на городок, выросший вокруг заброшенного прииска, то сегодня не имело смысла искать те же строения – все ежеминутно менялось. Можно было обернуться на здание, которое ты только что миновал, и не найти его позади себя. Это выбивало почву из-под ног и, чтобы не свихнуться, оборачиваться, несмотря на странные звуки из тумана, я отучилась.

Магазин, согласно электронной карте, располагался в трех кварталах от каземата. Камер нет; на СЕ люди спокойно перемещались по Уровню, потому что

сам Уровень являлся тюрьмой, и запирать не имело смысла. Наоборот, нам ставили ловушки. Еще ни разу мне не довелось добраться до продуктового без приключений. То странный, жгущий даже бетон кислотный дождь, то яркий свет столбом из провала в асфальте, то полное отсутствие дороги. Лишь однажды я добралась до супермаркета без помех и тогда (как сейчас помню, туман разошелся полностью) на месте магазина обнаружился кратер такой ширины, будто на СЕ упала комета. Кратер размером с Луну.

Назад я брела на дрожащих ногах, вытирая вышибленные страхом слезы.

Запасов провизии в комнате не существовало. Она выдавалась в магазине бесплатно, не более чем на три порции. Обычно маленькая упаковка крупы, мясные консервы, иногда хлеб. Редко перепадали сушки, макароны, один раз мне перепало печенье. Магазин я любила: здесь были люди. Всегда разные, никогда одни и те же лица не попадались дважды, но здесь можно было поговорить. И, если бы отсюда не гнали, я бы осталась у светлой витрины жить.

Хотя нет, не после случая с «кратером».

Сегодня мне дали гречку и очередную банку тушенки.

Торопливый путь назад. Вернусь, поставлю кастрюлю на плиту, запрусь в комнате. Буду растягивать пищу так долго, как только смогу, чтобы совать нос на улицу еще раз не в ближайшие пару дней. Потому что, если рассвет (а по моим внутренним ощущениям он должен был случиться скоро), из посветлевшего временно тумана станут доноситься хрипы неизвестных существ, начнут мелькать их силуэты.

Вечером принесут открытки (здесь их по непонятной причине называли «письмами» – круглые плоские зеркальца), иногда в количестве трех, иногда пяти штук. Их приносили всем и каждый день, наши «письма счастья», и зеркальца эти демонстрировали то, что нам было дорого и мило. Например, знакомые улицы снаружи, витрины любимых кафе, иногда из «писем» звучали мелодии – те самые, которые ты раньше крутил в плейлисте. Доносились даже запахи булочек, выпечки, деревьев – Создатель, я скучала по деревьям не меньше, чем по нормальному солнцу и небу. Я бы свихнулась, если бы не открытки. Позволь мне, я бы коллекционировала их и пялилась в их глубины

часами, предаваясь мечтам, но письма работали не более пяти минут. Редко когда семь, десять. По истечении короткого времени экран гас – возможно, садилась невидимая батарейка, – а после куда-то исчезали и сами зеркальца. Я никогда не могла их найти, хоть всегда оставляла на тумбочке. И каждый день ждала новые. Иногда видела в них лица своих знакомых, друзей, даже слышала разговоры о себе, старалась не разреветься, когда понимала, что кто-то по мне скучал.

Тринадцать дней. Осталось чуть больше половины.

Если я выйду отсюда… «Конечно, выйду!» – поправляла я себя, но надежда почему-то таяла. Я буду говорить тем, кто спросит: «Это был дерьмовый Уровень». Очень дерьмовый. И никогда не смогу описать насколько. Пусть сегодня принесут письма с видом моей любимой лавочки в парке, пусть зазвучит мелодия «Ori – Gortensy», пусть кто-нибудь щедрый сфотографирует этим зеркальцем ватрушку, посыпанную сахарной пудрой. И кофе.

Здесь мы пили только затхлую воду.

Наверное, «письмами» нас пытались поддерживать. Заменяли ими отсутствие солнца, общения, помогали бороться с депрессией. Она действительно отступала ненадолго, минут на десять. Вот если бы не садилась батарейка…

Я была на полпути назад, когда браслет замигал.

«Что-то еще выдают в магазине, – прочитала я по знакам, – что-то редкое».

Возвращаться?

Я обернулась, взглянула на туман за спиной, поежилась. Не хочется. Но очень хочется чего-то душевного. Это душевное здесь необходимо, без него не прожить – слишком много ужасного, слишком мало хорошего. Вдруг дадут вафельную трубочку с кремом? Кусочек шоколадки? Иногда мне казалось, что «награда» напрямую зависит от испытаний, а под кислотный дождь, обжегший когда-то макушку и руки, я не попадала уже неделю.

Все же развернулась.

Если дадут еще один пакет крупы, смогу не выходить из дома неделю.

Я радовалась тому, что вернулась.

Четыре незнакомых человека – две девушки, одна женщина и мужчина. Мы сможем пообщаться. Ярко и привлекательно светятся витрины, как в праздник, как в канун Нового года. И неважно, что нет снега, что сыро и тепло, что вокруг темень. В мой прошлый визит я людей не застала (возможно, нас распределяли по времени?), в этот мне повезло. Останусь поболтать, пока меня не выдворят на улицу, быть может, смогу сходить к кому-нибудь «в гости», может, даже уговорю кого-нибудь съехаться, чтобы разбавить утомившее одиночество. Вдвоем с кем бы то ни было, даже когда гудят стены, не так страшно.

Не знаю, для чего существовала парковка – она всегда пустовала. Здесь не было машин: ввиду вечного густого тумана они попросту не смогли бы передвигаться. Сейчас, однако, туман вокруг супермаркета рассеялся, даже дышать стало легче.

Я не успела ее пересечь – эту самую парковку, – когда ударил из-под земли луч. Яркий, обжегший глаза. Одновременно с этим треснуло пространство – завизжала женщина, уронила пакет. Бросились обратно в магазин девчонки помоложе.

То, что показалось из замерцавшего воздуха, из кармана размером с двухметровую дверь, зависшую в воздухе, я не успела даже рассмотреть. Черная тварь. Текучая, гибкая и очень быстрая. Наверное, так когда-то давно выглядели политые нефтью драконы, если им обрезать крылья и добавить несколько рядов клыков. Тело толстого червя, клочки мрака вместо чешуи, голова на длинной шее…

Дальше все смешалось: тварь крутанулась на месте, а после ударила хвостом. Ударила так сильно, что хвост распался на части, расползся живой черной материей – часть его впиталась в бетон, часть продолжала рыскать. От удара мне в висок прилетел камень; зеркальным дождем ссыпалось стекло в витрине…

Спустя мгновение из ниоткуда возникли Комиссионеры. В голове дурман; снаружи замедленный фильм. Люди в форме что-то делали с лопнувшим

пространством – зашивали его, утягивали, латали. Черная тварь юркнула обратно в небытие с первым ударом лазерного луча; быстро и точно зачищалась синим светом территория.

По моему виску текла кровь, я не могла подняться с асфальта.

– Забирайте ее, – послышалось сбоку.

«Как давно я не слышала человеческих голосов».

– Ее могло задеть.

Было глупо радоваться, но я радовалась даже рукам в перчатках и еще тому, что меня посадили в машину. Помогут восстановиться в изоляторе, в местной больнице? Кто-то живой, наконец, будет рядом?

«Значит, машины здесь все-таки есть…»

Мутилось в голове, ныл затылок.

В темном салоне едва ли кого-то удалось разглядеть. Только запах кожи сидений, только едва слышный рокот мотора.

– «Территория зачищена, – послышалось из динамиков, – проверяйте людей на предмет остатков хвоста».

Остатков хвоста? Тех самых черных сгустков? Они, кажется, были от меня далеко…

– Проверим, – отозвался мужчина, сидящий сбоку от водителя.

Тогда я не знала, что радовалась напрасно. Что скоро выясню, что моя «счастливая» жизнь на СЕ закончилась. Что тварь эту называли Грерой, что чернота ее, слившаяся с человеком, одна из самых опасных вещей, способных по возвращении на поверхность взрезать ткань бытия. И что Комиссионеры никогда не допустят твоего выхода наружу, если есть хоть малейший шанс на то, что ты носитель частицы мутанта.

Глава 2. Белая линия

(Ruelle – Game of Survival)

Если я планировала очнуться в госпитале, то сильно ошибалась. Проснулась я на лавке – длинной и узкой, – залитой светом комнаты. От неудобной позы затекла шея, онемели мышцы спины; навалилось стойкое ощущение, что в сон меня в машине «положили» принудительно, ведь, как известно, спящие не брыкаются.

Мы все были здесь, все пятеро – несчастные узники, имевшие глупость находиться у магазина, когда тварь ударила хвостом. У дальней двери двое охранников с незнакомыми на вид бластерами в руках, головы защищены шлемами, на телах похожие на космические костюмы, лица под зеркальными масками.

Сделалось дурно. Я впервые ощутила себя так, будто заражена радиацией или смертельным вирусом.

«Изгои… Мы теперь для всех изгои…»

А на полу толстая белая линия – подсвеченная полоса.

«Аэродром для прокаженных».

Наверное, будь со мной хоть кто-нибудь, с кем можно было посмеяться или пошутить, я бы улыбнулась. Но все были настолько напряжены, что могли этим напряжением питать лампы под потолком. Никто не двигался с места.

– Сейчас по одному, – донеслось от мужчины справа от двери, – проходите по полосе. Медленно.

«Молитесь, чтобы у вас вышло…» – почему-то эти слова показались мне недосказанными.

Белая линия вроде бы обычная, шириной в полшага – не нитка канатоходца, чтобы опасаться с нее «упасть», не тонкий канат. Вполне достаточный путь для того, чтобы спокойно пересечь несколько метров. Но никто не решался. Что-то с ней было не так, с этой полосой – она тихо гудела.

– Давай, пошел!

Обратились к мужчине, и я впервые разглядела его со спины и в профиль, когда тот обернулся, посмотрел на остальных. Увидела потный лоб, неровной формы нос, поджатые губы. И еще уловила взгляд злых глаз. «Нет, он не был тем, кого бы мне хотелось в сожители». Кажется, накануне я переборщила с предположением о том, «лишь бы рядом кто-нибудь дышал». Этот снаружи мог наворотить любых дел – ограбить, убить, покалечить.

– Во мне ничего! – выкрикнул он зло, приклеившись к месту.

– Вот и докажи это. – «Масочники» общались спокойно. Для них мы были ежедневной работой, рутиной. Да и остатки Хвоста они, вероятно, зачищали по несколько раз в неделю. – Вперед!

Мужик, наверное, решил, что он должен быть мужиком – сильный пол как-никак. Позади только бабы в количестве четырех штук. Тем более, «в нем ведь ничего». Я как раз силилась вспомнить, где этот дядька находился в момент появления мутанта, когда незнакомец сделал первый шаг по полосе.

Казалось, ничего. Первая, вторая секунды прошли спокойно – кто-то успел выдохнуть облегченно. Ерунда, мол, а не испытание, формальность…

А после внутри человеческого тела что-то начало натужно визжать. Так тонко, так ужасно, что моментально начало тошнить, свернулись в трубку и уши, и внутренности. Закрыть бы глаза, но вместо этого я смотрела, как человека на белой полосе начало распирать. С ним случился странный оптический эффект – мужика раздвоило, – а после (этот кошмар будет сниться мне ночами) наружу полезли черные сгустки.

Синхронно ударили световые пушки.

Ослепли мы все. Девчонка с пегими волосами визжала, женщина постарше опустилась на колени и зашлась в рыданиях; мужик повалился набок. Неживой, с почерневшими глазницами.

Его уволокли. Я, зажав лицо ладонями, слышала, как вошли «уборщики», как проволокли тело прочь из комнаты.

Не дышать, прочь из этого фильма ужасов. Хотелось каким-нибудь образом слиться из этой реальности в пустоту.

«Прав был тот Комиссионер, предупреждавший не выбирать СЕ». Кажется, слишком поздно. Переиграть бы…

– Вторая, – раздался приказ.

И прицел указал на девчонку с редкими светлыми волосами, за которую цеплялась полная подруга.

– Ланка, нет… – шепот крашеной девицы с пирсингом в брови.

«Эти хотя бы жили вдвоем, имели шанс общаться. Счастливые».

«Надолго ли…» – мысль – ледяная змея.

– Не трать наше время, – люди в костюмах не желали выделять нам время для моральной подготовки. – Пошла.

– Ланка, – шепот сзади, когда высокая девчонка лет двадцати пяти на вид, зажав себе рот ладонями, шагнула на полосу. Она даже не делала второй шаг, просто стояла, просто ждала, что ее начнет рвать тоже… но этого не случилось. Рыдания прорвались наружу – второй шаг, третий, четвертый… Не успела Ланка сойти с полосы, как прицелы качнулись вновь, указывая на подругу.

– Следующая.

– Давай! – теперь молилась Ланка, подбадривала синеволосую подругу-неформалку. – Я прошла, ты тоже сможешь…

Я с похолодевшим нутром думала о том, что никто не знает, сколько черноты каждому из нас досталось. Это определяет полоса. Страшная, хирургическая.

– …будем снова вместе, – мечтала с дрожащим подбородком счастливица, – вернемся, я тебе чай заварю…

Жить проще, когда есть планы.

Они мне не нравились – ни пегая девушка, ни ее странная подруга, – но горя я им не желала, боли тоже.

«Корова» шагнула на полосу.

И даже сделала три шага прежде, чем это случилось вновь – визг пространства, раздвоение тела, черная муть наружу… На этот раз я зажмурилась до того, как ослепнуть, и поняла, что не смогу, наверное, даже встать с этой лавки, чтобы пройти тест. Подругу утаскивали за полные безвольные руки-плети; шуршал под ее одеждой светлый пол. Вновь черные глазницы. Мне хотелось рыдать, а женщина постарше передо мной стала глухой и немой. Высохли в ее глазах слезы, ровным, безучастным стало выражение лица – кажется, заключенная номер четыре стойко готовилась к смерти. Даже к полосе подошла сама, без приглашения; я же боялась смотреть. Только не опять этот визг, только не еще один труп. К горлу подкатывала тошнота, когда я думала о том, что женщина эта выглядела обычной и, если бы не застывшая гримаса, даже милой. Такая вполне могла работать продавщицей, кассиршей, выдавать лотерейные билеты в киоске.

«За что ее сюда?»

«А меня за что?» За украденную в магазине еду? Просто спешный переезд от несчастной любви в другой город, просто не нашлось работы и закончились деньги, просто отсутствовали у меня в Северной столице знакомые, у которых можно было перехватить… Неважно все это теперь. Я даже имя этой женщины не узнаю… скорее всего…

Она действительно пошла по полосе сама. Как по эшафоту. Зажмурившись, ставя на линию сначала носок старой туфли, после – каблук. Сжав зубы так, что

слышался их скрип.

И также зажмурившись, сошла с нее. Целая, невредимая.

«Чистая?»

Среди мути из чувств мелькнула радость.

Означал ли проход по линии, что наличия энергии мутанта в нас нет?

В нас… Я еще не прошла. А в комнате уже никого – живые вышли, мертвых унесли. Остались только двое с оружием, я и линия.

– Поднимайся, – посоветовали мне холодно. – Давай к полосе.

Я не хотела к полосе. Совсем. И умирать тоже. Умирать дерьмово в любом случае, но, когда на тебя смотрят не лица, а зеркальные маски, когда есть шанс, что твое нутро порвет сначала тварь, а потом бластеры, хочется вообще до этого момента не доживать.

– Я не хочу, – прошептала я жалко. Стыдно скулить, стыдно обнажать слабость. Можно я ее просто обползу, вашу полосу, выползу из этой комнаты и на карачках вернусь в свой каземат, чтобы там дожить свой век? Пусть в темноте, пусть в голоде…

– Я считаю до пяти, – произнес тот, кто слева. Голос низкий, вполне человеческий. – И тогда шансов на выживание у тебя не будет.

Меня пристрелят прямо тут, как скулящую псину, на лавке.

«Похабная смерть», – почему-то подумала. Когда ты оказался жалок настолько, что не смог даже подняться с места, не попробовал выжить. В конце концов, есть шанс…

Не знаю, каким образом мне удалось встать и даже приблизиться к «старту».

– Четыре, – тем временем считал масочник, хотя счет мне уже не был нужен. Я шагну вперед хотя бы потому, что не желаю быть убитой на лавке.

– Три…

Потому что не хочу жить с монстром внутри.

– Два…

Потому что окажусь сильнее собственных страхов и чужих приказов.

Шаг вперед я сделала до цифры «один». Напряглась так, что заболела голова – полоса под ногами гудела. От ужаса сводило руки и подводило зрение. Пока ничего. Еще шаг. Гудение сквозь все тело – его просвечивали невидимые сканеры. Видимо, сгустки черноты реагировали на них… Пока не во мне. Шаг номер три… Если не порвет сейчас…

«Не порвет уже никогда», – с выдохом облегчения подумала я, преодолев четвертый шаг и сходя с полосы.

Меня не раздвоило, тварь не вылезла из меня наружу. Значит, буду жить?

Теперь грозило раздавить облегчение, теперь снова хотелось упасть на колени и плачем благодарить за отобранный у судьбы лишний час жизни.

– Значит, все хорошо? – спросила я зачем-то. – Значит, ее во мне нет? Это… хороший знак?

Комиссионер слева, зная о том, что опасность миновала, неторопливо снял шлем, опустил внушающую ужас пушку. И на меня взглянуло жесткое мужское лицо со спокойными глазами. Темные ресницы, темные брови, что-то очень ровное и опасное во взгляде. Мы были с ним с разных планет, с этим человеком – ничего общего. Я дрожащая девчонка, желающая выжить, он из тех, кто решал, выжить тебе или нет.

И ответ мне не понравился.

– Я бы не рассматривал это хорошим знаком.

– Давай, молодец, пошла в дверь, – произнес тем временем другой, шлем так и не снявший.

И в этом «молодец» не было ни капли одобрения. Лишь набор звуков, которым тебе приказывают «проваливать».

Живых нас осталось трое.

* * *

(Les Friction – This Is a Call)

Камера оказалась не душевой, камера оказалась газовой.

Когда с потолка и стен потекли клубы белого дыма, я перестала дышать. Держалась, зажмурившись, двадцать секунд, тридцать, но после закашлялась и сразу же наглоталась едкого (спасибо, не убившего) вещества – кажется, нас опять дезинфицировали. Кто знает, зачем…

В лабораторию я, согласно очереди прохождения белой линии, попала последней. Небольшая квадратная комната, длинный «врачебный» стол, стул для посетителя и мужчина, одетый в белый халат – местный «бог» приборов и склянок.

Стул ощущался неудобным; роба воняла газом. Моих спутниц, которых я окрестила «второй» и «четвертой», уже увели. Я – «пятая». Или третья из живых.

– Вытяните руку…

Доктор быстро и умело взял на анализ кровь, после здесь же принялся ее изучать – долго стоял, склонившись над микроскопом, после вбивал в настенный экран данные на незнакомом мне языке.

– Все… хорошо? – спросила я хрипло. Не могла не спросить, хоть и сомневалась, что мне ответят.

Но док отозвался.

– Я в этом не уверен.

И принялся смешивать несколько компонентов из разных ампул, готовясь наполнить раствором шприц с короткой иглой. Шприц, похожий на космический прибор с мини-гидравлическим прессом. Для меня? Для кого же еще? Навряд ли этой чудо-жидкостью Комиссионер желал уколоться сам.

– Я же прошла, – мне безвозвратно хотелось наружу, – прошла белую полосу… Вы возьмете анализы и выпустите меня?

– Сомневаюсь. – Док был сух и вежлив. Но он хотя бы отвечал на вопросы. – То, что вы прошли Излучатель, говорит лишь о том, что вы не получили максимальную дозу инородного вещества, но, возможно, получили среднюю или минимальную.

Деловитое выражение лица, постукивание пальцем по очередной ампуле – сколько кубиков и чего он хочет мне вкатить?

– Что вы мне… уколете?

– То, что создаст в вашей крови неблагоприятные условия для выживания чужеродной энергии и заставит остатки Хвоста проявить себя примерно в течение шести часов. Это если у вас средняя доза соприкосновения.

– Средняя… – отозвалась я эхом, не вкладывая в повтор никакого смысла, выражая сплошное непонимание.

– Да. До трех тысяч единиц МСе3.

Теперь я понимала еще меньше, не знала ни таких единиц, не догадывалась о том, каким образом объем чужеродной энергии вычисляется.

– Большой, – охотно пояснили мне, – считается доза свыше четырех с половиной тысяч единиц. Двое из вас получили такую во время инцидента…

– Те, которые… – теперь жмуры.

– Все верно. Хвост заставил бы их тела мутировать в течение часа. Неприятное зрелище. И без шансов на выживание. Излучатель вычисляет именно таких.

– А шанс выжить со средней есть?

– Да.

Он не ответил «конечно» или «всегда». Просто «да». Коротко, как обрубок собачьего хвоста.

– Возможно, во мне ничего нет…

– Мы не имеем права рисковать.

Глядя на меня поверх странных половинчатых очков, которые надел только что, Комиссионер пояснил:

– Средняя доза, попав в человека, начинает расти даже в условиях измененного кислорода.

– Измененного?

– Да, на СЕ измененный состав воздуха именно для этого – для ухудшения условий развития Греры, если она сольется с человеком.

Грера – та тварь… Вот, значит, как ее зовут. И значит, все это время я дышала какой-то дрянью, разлитой в тумане – одно неприятное открытие за другим.

– Но наибольшую опасность, как ни странно, представляет минимальная доза, которую очень сложно вычислить ввиду того, что она равномерно сливается с человеческими клетками и никоим образом не проявляет себя до выхода на

поверхность. То есть на другие уровни с нормальным, неизмененным фоном. Где моментально начинает себя множить.

В моих глазах, вероятно, мелькнуло понимание, потому что док кивнул.

– Да. Имея в себе даже минимальные остатки, вы моментально начинаете заражать ими других – десятки, сотни людей в день. И как только Грера почувствует «свободу» и достаточный объем, она взрежет пространство многократно, чтобы такие, как она, могли заполнить наш мир. Этого, как вы понимаете, нельзя допустить.

Мне тем временем вкололи в шею приготовленный раствор – место укола крайне болезненно жгло.

Все это выглядело не просто безрадостно, но почти ужасно. Кажется, меня будут «чистить» до последнего. Место укола было заклеено пластырем, а поверх пластыря вокруг шеи док аккуратно защелкнул электронный ошейник. Плотный, тяжелый и прохладный.

– Что это? – стало трудно дышать. Возможно, иллюзия, но приступ сердцебиения иллюзией не являлся точно. Навалилась очередная порция страха.

– Это будет на вас надето ночью. Если Хвост проявит активность, ошейник уничтожит ее.

– Вместе со мной?

Карие глаза мигнули.

– Ваша физическая оболочка получит разряд двести КЛе.

– Это больно?

– Это… неприятно. Хватит, чтобы убить Греру, но не вас.

«Физическая оболочка». Док говорил об этом так, будто различных оболочек у меня, как у матрешки, было штук восемь. И неважно, что какую-то одну чуть-

чуть тряхнет. Остальные все равно останутся… А я всегда полагала, что состою именно из нее – физической оболочки. И души. И цифра в двести КЛе мне не нравилась.

– Я… не хочу… – чтобы меня било током.

– Иначе никак.

– А если Хвост в течение шести часов себя не проявит?

– Значит, по отношению к вам будут применены другие методы воздействия.

Я уже не знала, могла ли эта ночь стать хуже. Информация была полезной, просто потому что она была, но слова дока наводили на меня ужас.

– Какие методы?

– Об этом вам сообщат филлеры. Если сочтут необходимым.

– Кто?

– В вашем языке, – Комиссионер моргнул, – в человеческом… аналог этого слова – «прореживатель».

Лучше бы я не спрашивала. Я уже не хотела идти туда, где меня ждала кровать, не хотела ждать шесть часов, не хотела знать, как сильно, если что, ударит током ошейник. И совсем не хотела знать, кто такие «прореживатели». Звучало не просто неприятно, звучало холодно, одиноко, равнодушно.

– А кормить меня будут? – спросила зачем-то.

– Ощущение сытости не способствует нагнетанию стресса.

Разговор вгонял меня в депрессию, лишал внутреннего резерва сил.

Нагнетанию стресса, значит…

– В условиях стресса Хвост проявляет себя быстрее. Это в ваших интересах.

Наверное… Но почему-то не хотелось этого признавать.

– Все, я с вами закончил, – сообщил док сухо, – можете проходить дальше. Вас проводят.

Поднявшись со стула, я коснулась ошейника рукой.

– Но как… в этом спать? Это же невозможно…

– Значит, не спите.

В этот момент я поняла, что док охотно разговаривал не со мной, он охотно разговаривал на свои темы, о своей работе. Я же была ему до фонаря. Совсем. Просто материал, просто совершенные манипуляции, «следующий…».

Как часто я теперь буду вспоминать человека, который предупреждал меня не выбирать СЕ? Наверное, часто. Главное, чтобы не «напоследок».

Глава 3

(Chase Holfelder – Under Pressure)

Мы не думаем о прошлом до тех пор, пока будущее не сворачивает на ошибочную полосу. И только после того, как это случилось, начинаем искать точку «невозврата».

Ночь.

Лежать на спине было невозможно, на боку тоже – ошейник впивался в кожу, давил на нее, – и потому я лежала «раком». Лоб на руках, колени под себя, спина

согнута – не поза для сна, но иначе не выходило. Жесткий матрас, пропахшая сыростью и старостью подушка; одеяло отсутствовало. И, что хуже всего, камера. Настоящая, с цементным полом, тремя глухими стенами, отсутствием умывальника и унитаза. Зато напротив кровати решетка от потолка до пола, чтобы те, кто наблюдает, могли нас отлично видеть – всех троих. Сбоку от моей две такие же камеры – для номеров «два» и «четыре». «Уютные» персональные кельи с рейтингом ноль звезд.

Вспоминалось прошлое. Где все пошло не так, с чего началось?

С Кита, конечно. Нового фотографа, пришедшего работать в модельное агентство, где я последние четыре месяца значилась секретаршей. Кирстон, маленький городок к югу от Нордейла; размеренная неплохая жизнь. Я, зарабатывая скромно, копила на поездку на море.

Это сложно, находиться в окружении девиц, чья талия в два обхвата ладонями, чьи ноги похожи на фонарные столбы – такие же длинные, такие же стройные. Чьи лица – обложки плакатов, журналов, гордость местных пластических хирургов. Я никогда не была особенной… Просто симпатичной, среднего роста и комплекции. Я была счастлива, когда красавчик Кит – мужчина с развитой мускулатурой и белозубой улыбкой, галантный, как цирковой конферансье, – обратил на меня внимание. Не на «ланей», которые вились в агентстве в избытке, но обычную Кейну. Неожиданно начал приносить цветы… Я думала тогда, что началась моя белая полоса, что мне повезло.

Нам завидовали. Перешептывались вокруг, пускали слухи, зубоскалили, перемывали кости за спиной. Я же просто парила над землей от тихой радости, соглашалась на обеды в ресторанах, гуляла под руку с самым обаятельным парнем моего города, строила совместные планы, хотя Кит о них не говорил.

А как-то раз он пропал на пару дней – ни звонков, ни смс. Глухо. Пришлось отправиться на чужую съемную квартиру к востоку от центра, позвонить в дверь… Грустная улыбка, запах алкоголя – Кит сообщил, что рюкзак с камерой и объективами украли. Беда. Он плакал тогда, по-настоящему, и наивная я зачем-то решила, что настал правильный момент проявить глубокие чувства. Я отдала ему все деньги, которые копила на море – две с половиной тысячи долларов, – с улыбкой кивнула «на новую камеру». Меня любили в ту ночь очень нежно, по-настоящему.

А на следующий день любили вечером на моем рабочем столе модель Кристину. Не узнать бы мне об этом, не вернись я на работу, позабыв на столе сотовый…

Вот так одномоментно рухнули мечты на счастье.

Глаза с недобрыми смешками мне открыли девочки из агентства – рассказали про роман с Кристиной, который длился параллельно «с моим», про дорогие подарки ей, а не мне, про то, что плакал Кит не из-за фотоаппарата, а из-за ревности, когда Кристина отправилась в бар с другим.

Деньги мне вернуть отказались. «Фотоаппарат куплен, ты давала на него… А жить с тобой я не обещал…»

И опустились руки.

Жаль, что при переходе на Четырнадцатый, я не согласилась на квартиру, которую смогла бы впоследствии продать, что взяла переходный бонус деньгами, которые постепенно потратила. В Нордейл я уезжала с изгаженным нутром, пустыми карманами, обиженным сердцем и надеждой на то, что удастся начать все с чистого листа. Не могла больше оставаться в Кирстоне, где все напоминало о моем провале. Как человека, как женщины. Наверное, все бывают наивными, все ошибаются…

Но я доошибалась до СЕ. До дна, до выгребной ямы, до ошейника, в котором теперь не могла спать. От страха сбоило сердце, ожидало разряда, боли, того, что из меня наружу полезет «чужой».

За нами, узницами, наблюдали с застекленной смотровой будки-площадки Комиссионеры в серебристой форме. Иногда один, иногда двое. Моя решетка как раз напротив их освещенных окон; казалась, они сидят в рубке управления на постаменте, мы же в темном подвале, потому что уровнем ниже. Так, в общем, и было.

Цепляли взгляды «быков» – Комиссионеров-охранников, одетых во все черное. Крепких, угрюмых и очень жестоких по ощущению парней, которые неподвижно стояли по обе стороны у двери, ведущей наружу с нижнего яруса. «Быки» эти по моим наблюдениям не нуждались ни в еде, ни в общении, ни в питье, ни даже в том, чтобы присесть. Просто стояли, сцепив руки замком внизу, просто смотрели

на нас. И под этими взглядами было холодно.

(3FORCE – In the House, In a Heartbeat)

Когда усталость морит так, что ты больше не способен держаться, стерпишь любые неудобства. И я, в конце концов, уснула. Не определить времени – ни окон, ни часов. Видимо, повалилась набок, потому что нещадно давил на горло ошейник, но стоять пятой точкой вверх уже не выходило. Просыпалась, кажется, каждые десять минут, мерзла без одеяла – от стены шел холод, – чесала кожу возле пластыря. Дерьмо, а не сон. И вздрагивало в дреме мое ошалевшее от пережитого за последние часы тело.

А в какой-то ужасный момент я проснулась от визга. Резко села на кровати; «быки» бежали ко «второй», сидящей в камере справа от моей, откуда сейчас доносились леденящие душу вопли. Трещало электричество, пахло паленой кожей; кто-то катался по полу…

Он сработал у нее, у этой Ланки…

«Значит, у нее средняя доза…»

Приклеившись к прутьям, стояла «четвертая» – женщина в возрасте, белая как призрак. Тоже в ошейнике. Я не могла заставить себя подняться с кровати, подойти ближе, проверить, видно ли что-нибудь. Пересохло в горле, хотелось только одного – заткнуть уши. Ланка кричала, как в предсмертной агонии; пол и решетка ее камеры ежесекундно озарялись изнутри синим светом.

Пятнадцать секунд ужаса. Спустились Комиссионеры в сером; к тому времени «вторую» вынесли бездыханную на носилках.

– Она живая?! – орала номер «четыре» в истерике. – Живая?!

«Хоть не в черном мешке. Может, еще дышит…»

«Бык» ударил по прутьям решетки дубинкой, ударил сильно. Узница отпрянула, успела сберечь пальцы. Крики прекратились, но начался протяжный, похожий на волчий вой. Я закрыла глаза.

Значит, вот как выглядит со стороны удар в двести чего-то там, выглядит, как будто тебя жарит на электрическом стуле молния. Я сглотнула.

Вся шея той, кого унесли на носилках, была бордовой, почти черной.

Я боялась касаться своего ошейника, я боялась спать, я боялась жить и дышать.

«Если это полезет наружу, меня убьет электричеством… Если оно не полезет, меня, вероятно, убьет что-то другое…»

Протяжно и долго смотрел прямо на меня, как луч прожектора, единственный оставшийся в смотровой Комиссионер. Тот самый, который тогда снял шлем. Под его взглядом я чувствовала себя отвратительно голой, голой до костей.

Глава 4. Микрон тепла

(Tommee Profitt feat. Fleurie – Turns You Into Stone)

Комната светлая из-за встроенных ламп – шире моей клетки, просторнее.

Я же дрожала у стены. Потому что всякий раз, когда Комиссионер с карими глазами пытался заглянуть внутрь меня, мое тело напрягалось до состояния камня, начинали спазмировать мышцы, а после подкатывала тошнота. Я и сейчас пыталась справиться с позывами не запачкать пол – уже в четвертый раз после четвертой попытки.

– Бессмысленно, – бросил мужчина в форме неприязненно.

«Проще сразу в расход ее».

Не знаю, что со мной происходило при его намерении заглянуть внутрь, но мне проще было спечься, чем позволить ему «просканировать» меня. Неслышно тикали на фоне гигантские часы – те самые, которые отсчитывали утекающее время моей жизни.

«Они же для моего блага…» Я все понимала, но он ответил верно – бессмысленно. Я не могла его «впустить», и потому ссыпалась тонкая струйка песочных часов в нижний ярус.

В расход… Сегодня? Завтра?

Наверное, было утро, потому что нас покормили чем-то похожим на рисовую кашу, дали воды, сняли ошейники. А теперь тот, кто оставил попытки со мной «поладить» – кареглазый Комиссионер с каменным выражением лица, – просто вышел за дверь.

И в комнате остался другой. Выше, крепче, тот самый, который после прохождения белой полосы бросил мне фразу о том, чтобы «на хороший исход я не рассчитывала». Кажется, я постепенно переставала на него рассчитывать. Сейчас уйдет и второй, дальше… Дальше ничего хорошего уже не случится.

Второй смотрел на меня долго, протяжно, и я нервничала.

Глупо было спрашивать, но я спросила:

– Вам все равно, умру я или нет?

– А ты сомневаешься?

Странный ответ.

«Ты сомневаешься, что нам все равно?»

«Сомневаешься, что нам не все равно?»

Им все равно, я знала.

Минута тишины.

– Мы должны в тебя посмотреть, понимаешь?

– Понимаю…

Его голос не холодный, скорее, спокойный. Голос человека, который никуда не торопится, у которого есть время. Как объяснить, что у меня просто не выходит?

Я почему-то боялась того, что он тоже уйдет. Это будет означать конец их попыток.

– Вы… филлер?

Уголок рта того, кто стоял напротив, едва заметно дернулся. «Док слишком много болтает». А вместо ответа другое:

– Давай попробуем еще раз? – Наверное, это было тем, что я хотела услышать – они не отказались от попыток, – но страх перед тошнотворными спазмами опять усилился. – Позволишь мне это сделать?

Менее всего я ожидала, что мое мнение здесь кого-то интересует.

– Почему вы спрашиваете? Зачем?

«Вам ведь все равно».

– Потому что твое добровольное согласие в этом случае может помочь.

Я должна была сказать да. Вдруг этот процесс приведет к тому, что все пойдет на лад?

– Не боитесь заразиться? – спросила, оттягивая момент, когда придется снова чувствовать тошноту.

– Нет. – У безымянного второго были удивительные глаза – двуцветные. Синие по внешней окружности, светло-серые у зрачка. И ясный черный ободок, удивительно четкий. – Грера не любит нашу энергию.

«Зато очень любит человеческую».

– Что вы хотите… во мне… увидеть?

Думала, он не пояснит, но повезло, со мной пока еще «возились».

– Нужно просканировать твой участок памяти, когда все случилось, оценить шансы на заражение. Проанализировать еще раз. – Долгий момент тишины. – Да?

Я не хотела кивать, не хотела давать согласия, но понимала – это может помочь. Если есть хоть призрачный шанс…

– Да, – согласилась очень тихо.

И он подошел ближе. Очень близко.

Тот, первый, ничем не пах. А этот, что удивительно (почему-то я была уверена, что Комиссионеры не пользуются пахучими средствами гигиены), источал тонкий запах лосьона. И вдруг совершенно неожиданно разбудил во мне чувство, что рядом мужчина. Напомнил что-то ненужное, бесполезное в данной ситуации.

– Смотри на меня. – Он почти припечатал меня к стене, пришпилил невидимым напором еще до того, как начал процесс. – И, что бы ни случилось, не пытайся разорвать зрительный контакт. Это ясно?

– Ясно.

У меня в горле пересохло.

«Будет еще один провал, спазмы от тошноты…»

Но случилось что-то другое – Комиссионер начал проникать внутрь. Ощутимо, хоть и осторожно. Иначе, не так, как первый, и потому не встретил на пути стену из первичного сопротивления. Однако, чем дальше, чем глубже, тем сильнее хотелось зажмуриться – становилось страшно. Когда в тебя входит что-то иное, не то, чем ты сам являешься, накатывает паника. Кажется, что тебя вытесняют из твоего собственного тела, хотя физическая оболочка не страдает, возникает ощущение, что ты сейчас умрешь. Потому что для тебя самого внутри себя уже не останется места. С моста задом, еще шаг, свободное падение…

Но я должна была держаться, и все то, что внутри меня сопротивлялось, напрягалось, все то, что этот человек был способен натиском порвать, я расслабляла. Старалась. Допускала его внутрь через не хочу, через не могу, отступала внутри себя же, позволяла ему заполнять. В какой-то момент поняла, что сейчас сорвусь, что выгнусь, и тогда станет очень больно, что начнется истерика. И неожиданно ощутила, как к моей щеке прикоснулась невидимая ладонь. Теплая, успокаивающая.

«Тихо. Продолжаем».

Я зацепилась за это ощущение, за это тепло. Человек, у которого ничего нет, не имеет гордости – ему сгодится и настоящая поддержка, и иллюзорная. Меня заполнял мужчина иной расы – я давно уже падала в пустоту, и мне приходилось на лету учиться этой пустоте доверять. Прижалась щекой к невидимой руке, и почти не страшно. Пока он так держит…

Не знаю, в какой момент все закончилось (наверное, все и длилось-то несколько секунд), но очнулась я от процесса тогда, когда поняла, что на меня смотрят уже иначе. Что внутри больше нет «чужого присутствия», что взгляд напротив задумчив.

«Когда он отступил на шаг? Когда успел отдалиться?»

Что за анестезию применил?

В этот момент дверь открылась, в комнату вернулся кареглазый. Быстро оценил ситуацию, спросил:

– Ты все-таки это сделал?

– Да.

Голос равнодушный прохладный, будто и не было только что «контакта», чего-то неожиданного, потустороннего, того, что проявилось параллельно основному процессу. Заиндевели мышцы челюсти, сделался очень жестким рот – лицо Комиссионера с двуцветными глазами вообще было слишком жестким на мой вкус, такое «на поверхности» меня бы привлекло и напугало одновременно.

– Она была на расстоянии восьми метров от Хвоста во время удара. Шанс заражения семьдесят восемь процентов.

Вошедший не покачал головой, не хмыкнул, но «приговор» стал понятен мне по его глазам.

– Внеси данные. Займусь второй.

И кареглазый ушел допрашивать мою соседку по камере.

«Семьдесят восемь процентов…»

Скрутилась в животе холодная, скользкая змея. Человек, проникавший в меня, теперь заполнял символами возникшую в воздухе таблицу. Филлер, прореживатель.

– Что… со мной будет?

Иллюзия тепла давно испарилась, мы снова остались один на один с невидимыми часами моей жизни.

Комиссионер повернулся только тогда, когда закончил с заполнением, посмотрел на меня очень ровно. Так, как мне не понравилось.

– Скорее всего, в тебе есть Хвост.

– Что это означает? Что… будет дальше?

Пауза длиной в век. И ответ убийцы, профессионально накручивающего глушитель на ствол.

– Мы должны тебя сломать.

Что? Сломать?..

В горле окончательно пересохло.

– Как? Фи-зи… – подвел голос, но стоящему напротив не требовалось слышать окончание фразы.

– Физически. Морально. Грера не живет в людях, потерявших желание жить.

Кто-то только что подписал мне приговор. Значит, будут пытать, издеваться, дробить?

Плеснуло наружу горе.

– Как же так? Вы будете меня пытать… Хотя это вы ее допустили сюда… на СЕ… Вы допустили, чтобы она…

Мое горло давило от слез, от желания передать всю несправедливость, вложить собственные чувства в чужие уши.

– Тебя не предупреждали, чтобы ты сюда не шла?

Его глаза были «живыми». В какой-то момент серый цвет заполнял почти все пространство радужки, в какой-то момент суживался, уступал место синему.

Предупреждали? Хотела выкрикнуть нет, но осеклась… Меня предупреждали. Просто тогда я была не в состоянии понять или услышать.

– Зачем все это теперь? – выдавила обреченно. – Для чего? Весь этот садизм… Проще сразу убить, ведь так?

– Хочешь, чтобы я тебя убил?

Это был вовсе не праздный вопрос. И я вдруг поняла, если сейчас отвечу да, мужчина в форме исполнит мое пожелание. Не знаю, как именно, но он это сделает.

– Нет… – выдавила я.

Я хотела жить. И не хотела, чтобы меня ломали – ни морально, ни физически. Просто все не туда, под откос, все… плохо.

Человек в форме отвернулся, дозаполнил таблицу в тишине.

Значит, ад еще не начался, он начнется дальше, после моего выхода из этой комнаты. Возможно, я уже никогда не увижу свет, не почувствую на лице ветер – что-то начало проясняться в моей голове, доходить. Сползала розовая краска со стекол, трезвела голова. Сейчас меня вернут в клетку, что случится дальше одному Создателю известно. И та частица тепла, которую я случайно почувствовала от этого человека, возможно, была последним лучом закатного солнца моей жизни.

Сейчас Комиссионер удалится, войдут «быки», проводят в камеру…

Комиссионер действительно развернулся, направился к двери, но стоящая у стены я вдруг попросила неожиданно:

– Сделай это еще раз…

– Что?

Он посмотрел на меня. И сразу понял.

Пусть он посмотрит внутрь меня еще раз, пусть снова приложит к моей щеке невидимую ладонь – я позволю ему все, что он захочет. Пусть успокоит, как умеет. Я зацеплюсь за это ощущение, сумею, впечатаю его в свою память как «хоть что-то хорошее».

Он откажет, конечно. Он все увидел, смотреть больше незачем, а «контакта» он, наверное, не почувствовал. Моя иллюзия.

Но то ли что-то было в моих глазах, то ли в его невидимых мыслях, но это что-то заставило его вернуться от двери ко мне, подойти близко. Ближе, чем раньше. Странный взгляд в самую душу, чужое желание прояснить нечто одному ему понятное.

– Смотри на меня… – жесткий шепот.

Я смотрела.

И он сделал это опять. На этот раз глубже, сильнее. С неожиданным напором – я задохнулась от чужого присутствия, вновь ощутила падение, страх, даже боль от вытеснения себя же из собственных клеток. И тень непонятного мне удовольствия. Это не могло быть похоже на секс, это не было им… и было.

Потому что в сексе также сдаются, уступают, подчиняются. Потому что выдыхают, говорят «да», склоняются перед сильнейшим. Позволяют ему делать все, выбирают проигрывать доверяя. Его чувства в этот момент я ощущала, как свои: тень удивления, та же задумчивость, проснувшаяся мужская жажда, контролируемая агрессия, микрон нежности. За нее-то я опять и зацепилась – за нежность. За странную иллюзию, что кому-то не все равно, что ты нужен, что ты – особенный… Наверное, это слияние было опасным, я чувствовала, как оно рвет меня изнутри, как тестирует предел выносливости моих клеток и нервов, как на фоне растекается боль. И все же запомню я именно нежность…

– Что-то еще проясняешь?

Оказывается, кареглазый вошел в комнату вновь, и тот, кто держал меня взглядом на крючке, резко отпустил, оставил. Возникло ощущение, что я нырнула из самолета в ледяную прорубь. Почему-то не хватало воздуха, сложно было дышать. «Но не тогда, когда он смотрел».

– Да, проясняю, – ровный ответ. – Уже закончил.

Шаг назад.

И та задумчивость, неопределенность во взгляде углубилась, натянулась, как канат.

«Что происходит, когда он…»

Я не успела додумать.

– Забирайте ее, – приказ от кареглазого.

Мимо плеча Комиссионера с двуцветными глазами по направлению ко мне прошли «быки».

* * *

(The Number One – Supreme Devices feat. Ivan Dominik)

Я не ошиблась – меня корежило уже в камере. После нашего слияния, которое, я была уверена, произошло всего лишь на пару процентов от того, что мог бы при желании сделать со мной «двуцветный». Сбоила нервная система, ощущалось, что легким не хватает воздуха. Жар сменял холод, по телу путешествовали не фантомные теперь, но вполне настоящие боли. Плата за «вторую попытку». Зачем я его просила? Но где-то внутри знала зачем – я никогда не чувствовала подобного… Всего лишь взгляд, и вдруг ощущение поцелуя – очень жесткого, впрочем. А меня ведь даже не коснулись. Удивительный контрастный душ. Наверное, я все надумывала про контакт, про странную возникшую связь – стресс. Люди в состоянии морального истощения бредят, живут иллюзиями, становятся неадекватными. Я же пробыла на СЕ слишком долго.

Из дум меня выдернуло, когда в камеру, звякнув у решетки ключами, вошли мужчины в черном.

– Слазь! – приказали, сдернув меня с постели. – Кровать мы забираем.

И первый дернул железную спинку на себя – противно взвизгнули по бетону железные «ноги». Принялся рывками вытаскивать то, на чем я пусть плохо, но

спала этой ночью.

– Эй! Куда?!..

Наверное, мне не стоило раскрывать рот, потому что второй схватил меня за шею жестко, больно – тут же кончился воздух. Прижал к стене с ударом моего затылка по бетону, размахнулся, наотмашь врезал по лицу. В башке зазвенело, загудело; мир дрогнул и поплыл.

И параллельно с этим явилась ясность – началось.

«Мы должны тебя сломать…»

Нет, не потому, что я открыла рот в попытке борьбы за кровать. Просто. Началось. Всхлип, жажда вырваться, но мои руки просто веточки по сравнению с бицепсами громилы, против его желания начать «ломку». Когда кулак «быка» взлетел для очередного удара, я успела заметить в наблюдательной рубке человека – Комиссионера с двуцветными глазами. Увидеть, как сжались его челюсти при взгляде на нас, как после он отвернулся. Наверное, ему было меня жаль, а может, просто противно.

Удар по лицу. Затем в живот.

В сознание плеснула муть, а вместе с ней слово дока «прореживатели».

И стало все неважно.

Глава 5. Еще не предел

(Jessie Murph – When I'm Not Around)

До момента, который я окрестила в своей голове «вечером», меня избивали еще трижды. Ничего не ломали, не позволяли потерять сознание от болевого шока –

прицельная точность, максимальная боль. За антигуманные умения мужчины в черном могли бы получить при аттестации высший балл…

Кровати больше нет. Я лежала, скорчившись на полу, на тонкой лежанке у стены и не шевелилась. Движение означало новый визг агонии поврежденных клеток; стоило попробовать пошевелить рукой или ногой, подвинуться на сантиметр, и из легких от боли вышибало воздух. Стиснутые зубы, обожженные слезами ресницы. Лишь пульсирующий ритм синяков служил фоном моим собственным мыслям.

Я всегда была для себя «никем». Мечтала хоть как-нибудь, хоть чем-нибудь заткнуть ощущение внутренней пустоты, «невостребованности» и боролась с чувством собственной никчемности, как умела – училась быть лучше, смелее, ярче. Люди вокруг сияли, достигали успеха, процветали, купались в лучах славы, в то время как я стабильно оставалась во всем середнячком. Если посещала курсы по кулинарии, то блистательного шеф-повара из меня не выходило, если силилась постичь аудит, то сдавала экзамены самой последней, потому что не хватала материал на лету. Вечная «никто», вечная «никак». Куча тренингов, семинаров, несколько образований, и все та же серая Кейна, человек, так и не прикрепившийся к собственному внутреннему берегу. Работа в модельном агентстве лишь усугубила внутренние комплексы по поводу неброской внешности – то было наказание, а не будни. Жаль, что очевидным это стало не сразу.

Если бы не заключение, я бы не выделила себе время остановиться, оглянуться на свою прошедшую жизнь, взглянуть на что-то под иным углом. А здесь времени было достаточно, его было очень много, и оно тянулось бесконечно, каждая его минута.

Там, за пределами СЕ, я так и не успела стать кем-то.

Наверное, не успею уже никогда.

И пустота внутри лишь усилилась.

Из рубки наблюдал за камерами кареглазый, сидел за пультом управления, изредка бросал взгляды на меня – я их чувствовала касанием легкой изморози. Дистанционные сканы. Мужчина с двуцветными глазами не появлялся, хотя,

лежа с закрытыми веками, я могла его временный приход пропустить.

Да и стоило ли ждать…

«Человек, которому не все равно, не отдал бы подобный приказ. И не позволил бы его исполнить…» – то был обиженный голос внутренней девчонки, желающей, чтобы ее хоть чуть-чуть любили. Только все это не сказка, и Комиссионер не принц. Если бы приказ начать «ломку» не отдал бы он, его отдал бы кареглазый. Или другой их коллега. Пустое, тлен, не имело смысла гадать…

От жесткого пола тело болело сильнее, кормить меня больше никто не желал. Почему-то не хотелось даже воды, и единственным занятием, оставшимся мне в услужении, было вспоминать, думать.

И я вспоминала.

Автобус в Нордейл, цветущие луга за окном, большой вокзал. Купленную в киоске газету с объявлениями – ее продала мне улыбчивая девушка в сарафане с голубыми цветами. Ненужная деталь, почему запомнилась? Квартиру я нашла сразу – дешевую, в центре. Все никак не могла поверить своей удаче, радовалась, что для собеседований не придется добираться до офисных кварталов часами, шалела от облегчения, что денег в кошельке как раз хватило. Настраивала себя на то, что за оплаченный месяц обязательно подыщу работу; да, жить придется почти впроголодь, но начинать с чистого листа всегда непросто.

Хозяин апартаментов, оказавшихся не очень большими, чистыми и удобными, был улыбчив, но суетлив и тороплив. Мне уже тогда следовало напрячься – слишком низкая цена, постоянно ускользающий взгляд незнакомца. Масляный, неуловимый. Но успокоила фраза: «Я просто внезапно решил улететь в отпуск, самолет через час, искать арендаторов, готовых платить больше, нет времени…» По этой же причине мы не стали составлять договор, ставить на нем подписи, пропустили все формальности. Деньги просто перекочевали из моего кошелька в чужой карман, я получила ключи и осталась на новом месте одна вполне себе счастливая…

До шести вечера.

Пока не вернулся настоящий хозяин квартиры.

Я никогда не имела дела с мошенниками и черными риелторами, не думала об их существовании, и потому, услышав щелкнувший замок входной двери, растерялась, испугалась. Законным владельцем сданной мне собственности оказался пожилой мужчина с морщинистым лицом и в пиджаке. И мужчина этот, увидев незваную гостью, с порога принялся кричать. Гнал меня, как паршивую овцу, хамил, угрожал, ткнул в лицо паспорт со штампом прописки. Сразу после начал меня фотографировать на телефон, заявил о том, что обязательно отыщет способ сообщить о правонарушении Комиссии, что «есть каналы», и что я – наглая взломщица и воровка – должна быть наказана по всей строгости.

До сих пор помнилось, как я бегала по комнатам, как ошпаренная, впопыхах собирала вещи, кидала то, что успевала найти, в сумку без разбора. И да, я боялась Комиссии – все в здравом уме ее боятся, – потому выгребла остатки денег из кошелька, попросила не писать никаких заявлений, оставила дубликат ключа на столе и ретировалась так быстро, как умела.

А после… улица.

Верно говорят: отчаянный человек – слепой человек. Несчастное настроение – гарант несчастных событий; я стала той, кто убедился в праведности данного изречения. Был вечер, когда я остервенело листала в телефонной будке толстый пыльный справочник, желая найти адрес хоть одной благотворительной организации, способной выручить попавшего в неблагоприятную ситуацию человека. Тщетно. Организации, где бы они ни были указаны, от меня прятались. Стучались в будку люди, мне приходилось их пропускать, чтобы позволить позвонить. Одного, второго, третьего… Дальше снова страницы справочника…

Единственным фондом помощи, который удалось отыскать, стала организация с влекущим названием «Гавань», и я потратила два часа, сбивая подошвы туфель, для того чтобы до нее добрести. К тому времени изрядно уставшая, очень голодная.

Узкий проулок, вонь от мусорных бачков, заколоченная дверь и свежие граффити на глухих окнах – вот и все, что мне удалось найти. «Гавань» не то разорилась, не то давным-давно переехала, о чем забыли сообщить желтым страницам.

Жизненный тупик, полная безнадега. В Нордейле у меня не было ни друзей, ни знакомых; очередная неудача ударила новой волной отчаяния. Выскользнула прямо на пыльный асфальт из ослабевших пальцев сумка…

Человеку не может так не везти, не должно.

Сидящий неподалеку бомж жевал толстый сэндвич – очень большой, наверное, вкусный. Мне не стоило даже открывать рта, он все понял по моему голодному взгляду, спросил: «Показать, где найти?»

И я кивнула. До сих пор помню тот внутренний стыд, который испытала, согласившись испрашивать совета у бездомного.

Бомж указал на заднюю дверь одного из ресторанов неподалеку, где в больших черных мешках на задворках складывали просроченную еду, предназначенную для утилизации. Один мешок был развязан.

– Смотри, тут, – он даже достал для меня схожий сэндвич, – целый пир, а?

И удалился, заняв прежнее место на тротуаре у стены.

Ветчина смердела так, что я не решилась ее откусить, хлеб отдавал плесенью – хотелось плакать. Бутерброд отправился обратно в мешок.

А дальше ночь, проведенная на улице. Никогда раньше я не пыталась ютиться на лавке в неудобной позе, никогда раньше не вздрагивала от любого шума, не пыталась укрыться тонкой курткой из сумки от прохладного ветерка. И если справить нужду за кустами я все-таки решилась, то пить из фонтана – нет.

И потому отправилась в магазин.

Мне просто нужна была бутылка чистой питьевой воды. Мелочи, найденной в карманах джинсов, должно было на нее хватить. И хватило бы… Если бы, пройдя в отдел готовой еды, я не залипла глазами на только что вынутую из печи и водруженную на полку слойку с курицей. Еще горячую, пахнущую и выглядящую как небеса для оборванца…

Никогда раньше я не воровала. Не собиралась и в тот раз. Но у любого человека случается предел выносливости, когда взывать к разуму, а точнее его отсутствию, начинают инстинкты. К тому времени я нормально не ела третьи сутки, и, кто знает, отчего мне вдруг показалось, что сунутый в нагрудный карман мешок со слойкой – такой маленькой, такой нужной мне в этот момент – никто не заметит. Должны быть среди черных полос белые, даже если очень узкие. Я знала, что когда-нибудь обязательно верну недостачу кассирше, найду способ, как сделать это благовидно – я не воровка, я просто взаймы…

Увы, в отделе были установлены камеры. На кассу я прошла с бутылкой воды, но, когда увидела лицо направляющегося ко мне охранника, моментально осознала бедственность своего положения. Бросила слойку на ленту, воду оставила там же, выскочила, задыхаясь, через входной турникет, едва не сломав лопасти, бросилась в двери…

Вот тогда и налетела на велосипедиста, впоследствии ударившегося головой при падении от столкновения со мной.

Так что нет, судили меня в итоге не за воровство, но за причинение вреда чужому здоровью…

Теперь, лежа на полу в камере, я даже не могла вспомнить, куда делась моя сумка с вещами. Осталась в магазине? Или у Комиссионеров, сопровождавших меня в одну из комнат предварительного заключения?

Неважно.

На этом Уровне все равно не нужна была сменная одежда.

Кареглазый Комиссионер в будке читал таблицу, висящую прямо в воздухе – что у него там? Данные о новоприбывших зараженных Грерой? Или новостная лента СЕ?

Стоило отдаться охраннику магазина в руки, думала я теперь. Возможно, он понял бы, поставил бы себя на мое место, возможно, не стал бы даже штрафовать. Может быть, отправил бы туда, куда я сама хотела попасть – в какую-нибудь другую «Гавань», где помогали неблагополучным… Зачем теперь гадать?

Чего я больше всего боялась: быть никем, быть осужденной, наказанной, быть избитой? Боялась боли? В итоге я все это в избытке получила на СЕ: получите – распишитесь. Все свои страхи разом. И бездушных Комиссионеров, и ощущение полной ненужности – на этот раз окончательное и бесповоротное, – и даже, возможно, мутанта внутри себя.

Я докатилась до дна.

«Шанс заражения семьдесят восемь процентов…»

Мне отсюда не выйти. Хотелось бы верить, что это лишь проявление отчаяния, временная депрессия, но я знала – это, скорее всего, правда. В следующий раз будут бить сильнее, жестче, наверное, будут уже ломать. «Быков» я теперь боялась больше, чем остальных, знала, что стоит им двинуться с места в сторону моей камеры, я, несмотря на визжащее от агонии тело, забьюсь в угол, прижму ладони к лицу, скручусь гусеницей…

Где взять силы, чтобы через это пройти?

Обиднее всего, что стать «кем-то» мне уже шанса не выпадет. Вывод этот леденил душу и вычленял из уставшего разума остатки ярости – не хочу ломаться, не хочу, не хочу… Возможно, это последние часы неудавшейся жизни, но я хочу их прожить. Как придется, как угодно. И, может, благодаря этому – своей иллюзорной борьбе – остаться напоследок для себя хоть кем-то.

Спустя некоторое время – последние минуты, часы я лежала неподвижно – к моей камере снова направились. На этот раз не мужчины в черном, но кареглазый Комиссионер.

Я его ненавидела. Не знаю почему. Испытывала к этому человеку стойкую неприязнь, откровенное отвращение – дело в его глазах, в ауре?

Звякнул замок.

Превозмогая себя, мне пришлось сесть, не дожидаясь приказа. Если бросит «встать», я не встану, пусть поднимает…

Но кареглазый опустился на корточки возле меня, сел; зашуршала серебристая форма. Долго смотрел на меня изучая. Смотрел, как на насекомое, как на колбасу, которая давно уже должна была стать фаршем, но медлила превращаться.

– Еще не сломалась? – спросил неприязненно. Упрекнул.

Зря, мол, кочевряжишься. И не таких ломали, никто долго не держится.

Хотелось плюнуть ему в лицо, но на подобный шаг я не решилась, лишь поджала губы. И да, боль и злость сделали меня чуть сильнее, упрямее, пусть и в самом конце.

Синяки на моем лице, наверное, были похожи на картину импрессиониста – я впервые порадовалась отсутствию зеркала. На них смотрели равнодушно.

– Хочешь чего-нибудь?

Отвернувшаяся было, я даже повернулась обратно, так сильно удивилась нелогичному вопросу. И об этом меня спрашивает он, тот, кто отдает приказы бить?

– Конечно, – не удержалась от циничного ответа, – бокал шампанского и принять ванну. С пеной.

«Пошел в жопу!» – между строк.

Комиссионер хмыкнул без улыбки, с прохладцей в глаза. Поднялся. Ушел.

А через несколько минут «быки» откуда-то принесли пожарный шланг…

Вода была ледяной – ей меня заливали прямо через прутья решетки. И, несмотря на то что я скрутилась улиткой в углу, бетонный напор едва не сломал мне хребет.

Тихо скулила и что-то шептала после того, как все закончилось, женщина в соседней камере – я не знала, какие меры применялись к ней. Сама я дрожала

после «душа», не могла подняться, чтобы снять робу, отжать ее.

Ночь я провела в мокрой одежде на мокрой подстилке, как не имеющая дома псина, оставленная без крыши и под дождем.

Глава 6. Хруст

(Les Friction – Louder Than Words)

Мясо пахло непередаваемо вкусно.

Так притягательно, что рот мгновенно захлебнулся слюной, а мозг картинками. Представилась залитая солнечным светом кухня, птичий щебет за окном, и повар, стоящий у плиты. Так готовят с душой, любовно перебирая баночки со специями, добавляя одну щепотку за другой, зная, как сочетать пряности, как создать божественный аромат. Так готовят только тогда, когда сердце полно радостью, когда хочется поделиться с миром чем-то прекрасным, когда цель процесса и результата одна – получить удовольствие.

Горшочек стоял по ту сторону клетки и запрещено вкусно пах; я превозмогла боль, поднялась и, шатаясь, побрела к нему. Опустилась у решетки, протянула руку – ничего, что пальцами и без вилки, не страшно (главное – положить хоть кроху еды в рот). Но не успела. Шагнул из тени мужчина в черном, «помог». Пнул горшок по направлению ко мне – керамика треснула, мясо разлетелось по полу моей камеры. И взгляд: «Вот теперь приступай».

Я смотрела на те самые кусочки, которые так желала попробовать, которыми бредила целую минуту, прежде чем сумела подняться, но теперь уже отсутствующим взглядом мимо.

Я не буду есть с пола. Просто не буду. И дело не в гордости… Где-то у каждого наступает предел – еда больше не манила, не таким образом. Однажды я поддалась инстинктам выживания, желала во что бы то ни стало наполнить желудок, но пинок «быка», кажется, до конца жизни лишил меня чувства

голода.

Больно идти назад, до лежанки я недотянула. Легла прямо на пол посреди камеры на спину, закрыла глаза. Все еще дразнил ноздри запах специй и, чтобы заглушить грусть, я принялась вспоминать самое вкусное блюдо в своей жизни. Как ни странно, им тоже было мясо в горшочке, поданное в одном из частных маленьких ресторанов, куда я случайно однажды, во время прогулки, свернула. Что-то понравилось в простой, но приятной вывеске – название места, правда, стерлось из памяти. Запомнилось только, что за окном был пестрый день: солнце то пряталось за облаками, то выглядывало вновь, и эта странная смена света и тени умиротворяла. Позже к вечеру начался дождь. И помнилось собственное настроение – мирное, теплое. Когда ты смотришь на мир, словно укрытый шалью. Торопиться некуда, потому что все беспричинно хорошо…

Я лежала на полу долго; мясо давно остыло.

А после в рубку вошел кареглазый – ярче загорелись под потолком лампы. Быстро окинул меня взглядом, зацепился за битый горшок, за еду, разбросанную по полу. И удалился, предварительно сделав жест «быку» – мол, в чем дело?

Мужчине в черном не пришлось повторять дважды. Звякнула связка ключей, отошел замок, распахнулась дверь, «бык» шагнул в камеру. Процедил зло:

– Приказано, чтобы ты пожрала.

– Тебе приказано, ты и пожри!

Я знала, что любое огрызание будет стоить мне дорого, но взметнулась такая злость, что стало понятно – без ссадин он тоже отсюда не выйдет. Так и случилось. Прежде чем меня подтащили к валяющимся кускам мяса, я успела дважды его укусить, заехать ногтями по роже, пнуть куда-то в область паха… После меня уложили ударом на пол, дважды, чтобы перестала рыпаться, пнули по ребрам – человек в черном впервые пребывал в ярости и я ощущала это по силе пинков, – после подтащили за волосы к еде, ткнули лицом в пол с такой силой, что едва не хрустнул нос… Еще, еще, еще, как котенка. Наверное, этот мудак после силой открыл бы мне рот, сунув в него пальцы, принялся бы пихать мясо прямо в глотку…

Но не успел.

– Хватит! – раздалось из рубки. – Хватит, я сказал!

Я валялась на полу, пытаясь отдышаться, как сломанный краб, неспособный собрать конечности. Когда подняла голову, поняла, что приказ отдал человек с двуцветными глазами, и что я никогда еще не видела такого выражения его лица – убийственно холодного. Жесткие челюсти, жесткая линия губ, зловещий взгляд.

«Бык», так и не выпустивший пар, так и не отыгравшийся на мне окончательно, вынужден был отступить. С окровавленным пальцем, рассеченной щекой и взглядом, прячущим между строк слова «ты не жилец». Возможно. Но жрать с пола не буду.

Плохо, что теперь я даже подняться толком не смогла. Кое-как встала на колени и повалилась на бок.

– Убрать в камере, – процедил Комиссионер за пультом, наклонившись к микрофону, – умыть заключенную, напоить.

На человека с двуцветными глазами я не смотрела и голода больше не чувствовала. Только пустоту – все больше, больше, больше.

Убирался в камере почему-то док.

Он же вынес горшок из угла, сполоснул его где-то, вернул назад чистым. Принес веник, собрал мясо в совок, сложил в мешок. После тер камни пола подобием швабры с чистящим средством – от запаха химии щипало веки.

И он же умывал меня смоченной в прохладной воде тряпкой. Осторожно протер щеки, лоб, подбородок – я не открывала глаз. Не говорила с ним, док молчал тоже – возможно, уже получил выговор за болтливость.

– Вот, – произнес только коротко, – вам надо попить…

Прислонил к моим пересохшим губам бутылку, позволил сделать несколько глотков, стер упавшие на робу капли той же тряпкой.

– Бутылку я вам оставлю.

Может, еще час или день назад, я порадовалась бы питью. Бутылка, два литра. А сейчас чувствовала только, как мерзнет мое тело – оно сдавало позиции. Оно устало от постоянного стресса, защитных реакций, оно теряло силы вместе со мной.

Впервые за всю свою жизнь я подумала, что у меня прекрасное на самом деле тело. Прекрасное. Помогает мне затягивать раны, поддерживает теплом, стуком сердца. Оно держится тогда, когда я уже не очень.

И теперь, когда я ощущала, как оно тоже потихоньку сдается, мне стало ясно – я была дурой, когда сравнивала себя с другими. Кем-то более красивым, стройным, с правильными чертами, формой ног. Кем-то, у кого идеальный разрез глаз, ровнее нос или пухлее губы. У меня все это время была я, были все мои клетки, работающие в полную силу, лишь бы я была счастлива. И я впервые ощутила, что у меня пока еще есть «мы». Я и мое тело.

– Держись, – прошептала едва слышно нам обоим. Хотя держаться уже было сложно.

Ни за что больше не подойду к решетке, что бы за ней ни положили. Ни за что. Больше меня на эту обманку не купят.

Но они купили.

С того момента, как чертова Грера ударила у магазина хвостом, с момента прохождения белой линии, я практически не спала. Мало и урывками. Виной всему натянутые нервы, голод, холод, боль, страх, наконец. Будили при каждом движении не только покрытые синяками руки и ноги, но и чужой плач – к соседке тоже наведывались. Изредка она всхлипывала, иногда рыдала, иной раз орала так, что я сдавалась, закрывала уши ладонями. И становилось еще страшнее; совсем хрупким делался мой внутренний пол. Еще чуть-чуть, треснет

и в пустоту.

В этот раз я провалилась в глухую дрему не сразу, постепенно; снов не было.

А проснулась…

Потому что что-то снова лежало за пределами моей камеры – что-то круглое, светящееся.

«Письмо!» То зеркальце, какие раньше приносили в каземат. И зеркальце это вещало тихим, до боли знакомым женским голосом, родным, который я почему-то давно забыла.

– …мы любим тебя, малышка. Любим очень-очень сильно, да?

Мужской смех – теплый, обволакивающий. Так смеется тот, кто просто рад, что ты есть на этом свете, и не нужно других причин.

– …какая ты у нас хорошенькая…

И мой собственный смех на фоне – меня маленькой, меня счастливой, меня «до».

– Мама?

Это забытое слово выпало из моего рта быстрее, чем я сообразила, что уже ползу по направлению к кругляшке. Мне нужно это услышать, увидеть, окунуться туда, где я еще не испытала всех этих ужасов, где меня обнимают теплые заботливые руки. Впервые мне было плевать на боль – мой пластунский спринт мог побить рекорды змеиных бегов.

– Не трогай! – в отчаянии выкрикнула соседка, чье белое лицо и кудлатые волосы остались в моем воображении размытым пятном.

Я должна…

– Не бери!

Она знала больше, она видела больше. Я же созерцала лишь цель – в этом письме то, что мне бесконечно нужно. Одна минута в компании этих далеких и бесконечно родных людей вернет меня к жизни, вдохнет то, что давно испарилось, заполнит пустоту.

Руку я совала сквозь решетку с остервенением – плевать на новые синяки или вывихнутый плечевой сустав. Еще чуть-чуть, еще… но до зеркальца все равно оставались считаные миллиметры.

А после мне на ладонь с размаху наступил мужчина в черном.

И орала я не потому, что хрустнули кости – верещала, как бешеная, – но потому, что следующий удар каблука пришелся по хрупкому стеклу письма.

– …дай я тебя обни…

– Мама… – валялась я рыдая. Каталась по камере, скулила, срывалась на такой бешеный крик, что дрожали стены.

Осколки. Там теперь валялись лишь осколки, но треснуло не стекло, треснуло что-то в душе – не умерло, не сдалось, просто раскололось.

– Отдайте мне письмо, – сотрясалась я, – отдайте его…

В нем был кто-то, кого я почти не помнила. Нет, помнила хорошо, но за пеленой. Чьи лица не могла различить в воображении, но любила заочно.

– …суки, – я скручивалась от внутренней боли, – суки, вот вы… кто…

И с этого момента, полностью убитая внутри, я решила, что буду сражаться, как никогда раньше. До последнего вздоха, до последнего удара сердца. Я, может, и умру, но я уже никогда им не сдамся.

В темноте прошло много времени. Наверное. Высохли слезы.

Вновь приходил доктор, светил ярким тонким лучом в зрачки, отвечал кому-то стоящему позади, что «участок памяти вновь блокирован, но эмоциональные показатели сохранены» – голоса из письма, их звучание стерлось из памяти. Как и ощущение, что меня кто-то где-то ждет. Не обращая внимания на внешний мир, пребывая где-то глубоко в своем внутреннем, я думала о том, что, наверное, скоро уйду отсюда. Перестану дышать. Но сделаю это, потому что сама так решила, потому что устала, а не потому, что меня сломали. Вдруг совершенно отчетливо поняла, что сломать человека нельзя, если он сам себя не сломает. Я делала это каждый день снаружи, раскалывая собственную личность сравнениями, стремлениями успевать за всеми, соответствовать, подгоняя себя под чужие стандарты. Зачем мне вообще были нужны чужие мнения, когда у самой себя была я?

На робе больше не работал компас, не выжил во время избиений. Еще один намек – тебе больше не придется ходить в магазин.

Наверное.

Я стала целой не снаружи, здесь. Печальный парадокс. Больше не желала сдерживать эмоции, кому-то понравиться, стать кем-то другим помимо Кейны. Наверное, прижались к израненной душе все мои разрозненные некогда части и слиплись, обнятые мной же.

Стало глубоко плевать на все, что происходило снаружи. Осталась важна самой себе только я – каждый вдох, каждый удар сердца, каждая минута, проведенная наедине с собой.

* * *

Мне вспоминался парень по имени Матео…

Он был хорошим, действительно хорошим. Застенчивым, очень добрым. Он дарил цветы – простые, полевые. Позже выяснилось, что Матео – гей, решивший впервые попробовать с девушкой. И стать той «первой» я не захотела.

Еще был красавчик из кафе на берегу – официант с пронзительно голубыми глазами. Выдались свободные выходные, и я прилетела отдохнуть на

Сарринский полуостров, наслаждалась соленым воздухом, морем, сувенирными лавочками, местным жарким колоритом. Жаль, что с официантом мы так и не познакомились поближе. Хотя он улыбался, делал намеки. Быть может, у нас что-то вышло бы, но я по обыкновению себя застеснялась. Теперь бы повела себя иначе, теперь бы я хватала судьбу за хвост, теперь бы радовалась всему, что валится в руки, как спелые плоды, не думала бы о завтрашнем дне. К черту комплексы, за их ширмой может пролететь вся жизнь – не заметишь.

Хорошие выводы явились поздно.

Все слабее тело, все ближе исход – даже плохое не длится вечно.

Как часто я жалела себя раньше, хотя на самом деле не было тому причин. Неудачи? Все прошлые неудачи по сравнению с текущей выглядели, как птичьи какашки, попавшие на свадебное платье. Все-то и нужно было: постирать, улыбнуться и продолжать церемонию…

А теперь, несмотря на оставшийся внутри стержень, я ощутила себя сосудом, полным битого стекла.

Кареглазый не соврал. Они – эти люди в форме – умели ломать.

Глава 7

(Les Friction – Love Comes Home)

Мужчина с двуцветными глазами опустился напротив меня на корточки. Смотрел долго. И не было в его глазах злости, было что-то иное. Тень печали, может быть, след от укоризны, но не на меня – на ситуацию. Ему нужно было сделать работу – я была ее частью. Частью, которая держалась слишком долго, противостояла, усугубляла собственное положение. Вечно неудобная никому Кейна – не знаю, видел ли он, как мало на самом деле от меня осталось. Но поставить галку в моем личном деле мешала и эта малость.

И все же я радовалась его приходу – абстрактное облегчение, лишенное логики. Он смотрел на меня так, будто хотел по-настоящему понять, будто не улавливал чего-то важного.

– Что тебя держит? – спросил наконец.

«Держит на поверхности. Не дает утонуть…»

Я молчала долго. На долю секунды даже позволила себе нырнуть в иллюзию, что пришел «мой человек», тот, которого у меня никогда не было. Он смотрит на меня неравнодушно, он сейчас погладит по лицу, прижмет к себе…

Не прижмет, конечно.

– Хорошее, – шепнула тихо.

Пауза. Осмысление ответа.

– Но хорошего на СЕ нет.

У него спокойный голос, красивый тембр, проникновенный. От него не веет агрессией, с ним почти тепло.

– Хорошее, – пояснила, постучав пальцем себя по лбу, – вот тут…

Кивок – понимание.

Наверное, камеру нужно было освобождать для следующих заключенных – я занимала ее слишком долго.

– Я могу закрыть доступ к твоим воспоминаниям.

Он может. И, если сделает это, разрушит мою личность. Мы ошибаемся, когда полагаем, что не любим себя. Мы любим. И отчаянно цепляемся за ту малость, которая нам в себе нравилась, когда понимаем, что ее может не стать. Даже за недостатки цепляемся, за все, лишь бы продолжить быть собой – любым собой,

которого не принимали раньше. И «я» вдруг приобретает иную ценность.

– Лучше сразу убей.

Я произнесла это без эмоций, осознанно. Заранее соглашаясь, скрепляя соглашение невидимой подписью.

«Убей милосердно. Не больно».

– Сделаешь?

Вокруг темно, но я отчетливо видела его глаза. И нечитаемое выражение лица.

Комиссионер поднялся, так и не проронив ни слова.

Ясно.

Не сделает.

* * *

– Чего ты хочешь?

Мы снова играли в эту игру с кареглазым. И не ответить – значит сдаться.

– Переодеться бы в чистое.

– Без проблем.

Он был наиредчайшим подонком, способным испортить и без того плохую жизнь.

– Раздеть ее! – бросил, выходя из камеры.

Меня раздевали, как куклу, как безвольный мешок – сопротивляться не было смысла. Сдернули робу, оставили старенькие трусы и бюстгальтер. Стало

холодно – не снаружи даже, внутри.

Голый человек – униженный человек. Беззащитный, открытый, ранимый. Роба, оказывается, очень много мне давала, а теперь я, как тоненькая ветка на ветру, на открытом пространстве, где вечный шторм.

Держаться дальше не имело смысла – я хотела уйти. Не сдаться, просто перестать дышать, услышать, как мое сердце, успокаиваясь, отбивает последние удары. Если человека долго бить наотмашь, он начинает мечтать о каком-то другом месте, месте, в котором тепло. Я больше не хотела быть на СЕ, в этой камере, рядом с этими людьми. И чувствовала, что мне пора.

Наверное, так решили спустя еще несколько часов и Комиссионеры.

В камеру они вошли оба – лампы позади на полную. У меня ни щита, ни забрала, грязное избитое тело, потухший взгляд. Обидно, когда ты совсем ничего не можешь – отключить бы себя, да все не рвется никак тоненькая нить внутри…

Долгое молчание – мощный неприятный скан. В их глаза я больше не смотрела.

– Полагаю, терять время дальше не имеет смысла, – подвел итог кареглазый. Взмахнул рукой, вызвал в воздухе таблицу. Произнес ровно. – Запрашиваю разрешение на деактивацию объекта ноль-ноль-два-четыре-один.

«Ноль-ноль…» – ощущение пустоты.

«Разрешение на деактивацию…»

Внутри даже не колыхнулось ничего – тихо, безветренно, и ветка давно сломана.

– Разрешение получено, – ответила таблица металлическим голосом.

«Пусть поставят укол», – думала я тихо. Даже плакать нечем.

Последний взгляд на мужчину с двуцветными глазами – хорошо, что он здесь был. Не такой ледяной и равнодушный, как другие. Хорошо, что у меня были эти часы даже здесь, что вообще была моя жизнь.

Пора, да. Я сама так хотела.

«Я не хотела!»

Веки все-таки начало жечь. Жизнь – она такая… От нее так просто не отказываются. Но я не буду при них рыдать, не буду просить пощады.

Вдруг поджались губы у Комиссионера слева – «моего». И голос его стал непривычно жестким:

– Запрос на отмену деактивации.

– Причина? – вопросила таблица после промедления.

Тишина.

– Хочу провести последний тест. Запрос на согласие системы.

– Код теста?

На человека с двуцветными глазами теперь смотрели мы оба – я и кареглазый. Я почти так же безжизненно, коллега в форме удивленно-раздраженно.

– FUS12AN.

– Слияние?! – Впервые кареглазый Комиссионер проявил нечто человеческое, даже выказал беспокойство. – Лиам, подумай…

«Лиам, значит».

– …ты обеспечишь ей очень болезненную смерть.

«Очень. Агонию».

Комиссионер, предложивший тест, молчал. Молчала и система. После ответ:

– Разрешение вами получено.

Теперь я слышала их диалог без слов.

«Подумай дважды…»

«Подумал. Это шанс ее очистить».

«Без шансов!»

«Решение принято».

Они словно поменялись ролями – застывшая в упорстве челюсть двуцветного, тревожный флер от кареглазого. Видимо, какой-то дряни с названием FUS даже этот гад мне не желал. Извращенной смерти.

– Накормить ее, – приказал непреклонный Лиам. И уже мне. – Поешь, тебе понадобятся силы.

Он вышел первым, а нелюбимый мной мужчина с карими глазами еще долго не закрывал висящую в воздухе таблицу. Меня предупредил, находясь мыслями не здесь:

– Если не поешь сама, введем тебе питательную капельницу.

Уходя, сообщил системе:

– Нам понадобятся два наблюдателя в камеру на нулевом этаже. Через час. И подготовить алгоритм реаниматологии…

На последних словах он покачал головой, и невысказанное зависло в воздухе: «Алгоритм, конечно, не понадобится – просто предписание…»

* * *

– Что это за… последний… тест?

Меня накормили рисовой кашей – липкой, безвкусной, – я была рада и ей. И еще больше сладкому чаю. Простому, горячему, ароматному. Так и начинаешь ценить простые вещи, на которые раньше не обратил бы внимания.

Хорошо, что Комиссионер с двуцветными глазами зашел в «столовую» для предварительного разговора. Мне был очень важен этот разговор, потому что человек, который говорит, что больше ничего не боится, врет. Мы боимся всего: неопределенности, боли, собственного будущего, особенно если оно наполнено неизвестностью.

Чужой вздох. Тяжелый, как мне показалось, и стрельнувшая мысль: «Спасибо, что вернули робу». Голым легко общаться только с собственным возлюбленным, но никак не с незнакомым мужчиной, который собирается вскоре творить с тобой нечто сложное и болезненное.

– Я говорил тебе, что Грера не терпит энергию Комиссионеров?

Отвечать «да» не имело смысла, он знал. Продолжил без моего ответа.

– Я наполню тебя собой, каждую твою клетку. И у Хвоста не останется шанса…

Чая было мало, нещадно сохло горло. И молчала я долго.

– У меня тоже?

«Не останется шанса».

Я часто бывала наивной, непредусмотрительной, даже глупой иногда, но теперь для иллюзий не осталось места. Слова кареглазого про «смерть в агонии» помнились отлично.

– У тебя… останется, – Лиам старался говорить мягко. – Иначе бы я не стал запрашивать разрешение на проведение этой процедуры.

«Останется крайне маленький».

На моем лице было написано все – страх, сомнение, нервозность. Обреченность, наверное.

– Кейна… – Мое имя, произнесенное тепло, почти нежно, вновь напомнило о чем-то далеком, хорошем и несбыточном. – Тебе нужно будет довериться мне. Понимаешь? Настолько, насколько это возможно.

«Совсем. Сумей это сделать».

– Заполнять тебя я буду по возможности быстро, потому что человеческая нервная система остро реагирует на такое вторжение, и времени у нас… будет в обрез.

«У нас».

Как будто были какие-то мы, даже ненастоящие.

– Сколько все это… будет длиться?

– Тем меньше, чем быстрее ты сможешь расслабиться. Ты сократишь этим и процент внутренних повреждений, если впустишь меня осознанно, если мне не придется… делать все с усилием.

«Рвать. Прорываться».

– Но я не умею… Не понимаю, как осознанно впускать кого-то.

Даже в этих чертовых условиях, в этой камере, когда меня били, я старалась не плакать, но сейчас очень хотелось. Что-то висело на волоске.

– Ты поймешь в процессе. Почувствуешь. Просто держись за мой взгляд, да?

«За то хорошее, что ты в нем увидела».

Момент завершения нашего диалога я старалась оттягивать максимально долго. Мне не хотелось возвращаться в камеру, не хотелось начинать что-то страшное,

пугающее. И следующий вопрос прозвучал оторванно от темы, почти глупо:

– Тебе это приятно? Этот процесс…

Сложный взгляд – живая радужка, сейчас почти целиком синяя. И честный ответ, хотя Лиаму не хотелось отвечать честно.

– Отчасти. Это процесс временного поглощения материи, присваивания ее.

«То есть временно я соединю тебя с собой, сделаю тебя частью своего поля».

Я даже ощутила отклик той волны странного удовольствия, о которой он говорил.

– Но приятно во время того процесса, который нас ждет, мне не будет. Очень много напряжения.

– И мне не будет точно…

Плохо. Несмотря на кашу и чай, подкашивались ноги. Ослабло все – и тело, и разум.

На долю секунды мне показалось, что он желает коснуться моей щеки – состоявшееся действо, которое не состоялось наяву.

– Я активирую в тебе все центры удовольствия. Это максимум, чем я могу…

– Не нужно.

Подачка. Все равно, что обмазать пропитанный цианидом бургер, сообщить, что перед подачей тебе обсыплют его специями и даже обжарят для красивого вида.

Невеселая улыбка, не задевшая глаза.

– Надо. Иначе от болевого шока ты отключишься в течение первой минуты.

«А нам нельзя прерывать контакт сознаний».

Вот и все. Вот и договорили. Пора идти обратно. А я так и не услышала чего-то главного, чего-то очень нужного и важного. Да и верно ли было ожидать этого на СЕ?

«Верно».

Мне нужны были еще слова – настоящие, правильные. Плот, за который я смогу держаться.

– Скажи…

Лиам чувствовал завершающий вопрос во мне, ждал его, не выказывал нетерпения.

Я сглотнула.

– Скажи, что тебе не все равно.

Что я нужна тебе хоть в каком-нибудь смысле, что все это имеет для тебя значение, просто скажи…

– Мне не все равно, – ответил он. Ответил со странно тяжелым выражением глаз. – Если бы мне было все равно, я бы не стал отменять деактивацию. Идем?

Если бы сейчас он дал мне руку, я пошла бы за ним куда угодно.

Но он не дал. Развернулся, зашагал к выходу – пришлось с тяжелым сердцем двинуться следом.

Глава 8

Меня привязали к стене. Объяснили, что стоять все равно не выйдет, что толстые ремни, обвившие локти, бедра, живот – мера предосторожности от падения. Хорошо, что я не видела эти крючья в стене своей камеры раньше – мороз по коже.

«Да, можно лежа, – сообщил Лиам, – но площадь соприкосновения, если я лягу на тебя сверху, будет очень высокая. В течение минуты у тебя остановится сердце».

Никаких пошлых намеков, ровное предупреждение «патологоанатома».

Не надо «остановится»… Пусть будут ремни.

Кареглазый стоял от нас сбоку, смотрел на висящую в воздухе таблицу, на которой ярким зеленым абрисом высвечивалось мое тело – там, на этой таблице, будет видно, как идет процесс «заполнения», как изменяются жизненные показатели, нарисуется график, цифры, наверное… Еще двое у решетки – незнакомые мне наблюдатели.

– Готова?

Разве к этому можно быть готовой?

Но я кивнула, как болван, у которого лопнула одна из веревочек в тряпичной шее.

– Начинаем, – жесткий приказ Лиама коллеге, – фиксируй данные, производи озвучку.

И мне:

– Смотри на меня. Просто. Смотри на меня.

(Supreme Devices feat. Ivan Dominik – The Number One)

Сначала было просто.

Мой взгляд зацепили, словно на крючок, как тогда у стены, и сразу внутрь. Снова агрессивно, плотно, и я привычно отступила прочь, освобождая место. Если для того, чтобы выкупить у Судьбы шанс на мою жизнь, мне придется позволить себя «присвоить», «слить» с кем-то другим – я попробую… Шаг назад, еще – пусть заходит. Главное – дышать, главное – расслабиться…

«Молодец… Хорошо…»

Я его слышала. Я его чувствовала, как себя. Больно стало примерно на десятой секунде, и сразу засбоило дыхание.

«Расслабься…»

– Пять процентов, – сообщил кареглазый. Напряженный голос; и чуть розовым сделался контур моего тела на таблице.

Следующий вход, следующий, глубже, глубже… Лиам заполнял меня собой постепенно, как газом, как инопланетной субстанцией – к тринадцати процентам начали визжать нервные окончания, принялись вздрагивать руки, дергаться пальцы. Наполнились ватой колени.

«Смотри на меня…»

«Я смотрю…»

Его много. Его так много, что нет места для себя. Так тебя выселяет из нажитого дома цунами: ударяет, вымывает через окно – плевать на мебель, на деньги, на документы…

«Дыши мной».

– Тринадцать процентов… Девятнадцать…

Голос у кареглазого напряженный, как железо.

Как секс. Только каждый толчок – это боль. Адская. И вдруг он сделал то, что ожидал – активировал центры наслаждения в моем мозгу. Хлынул по венам и рецепторам неожиданный кайф. Почти неуместный, контрастный, облегчающий страдания.

«Так лучше?»

И вдруг с ним внутри стало почти хорошо. Больно. И хорошо.

Еще волна. Дышать все труднее.

– Двадцать три процента… Тридцать один…

Когда ты под кокаином, тебе плевать на цунами, на то, что ты не умеешь плавать, на то, что ты вышел в окно.

Очередная волна боли, очередной спазм до окаменелых кишок. Приказ «Дыши!», и я вспоминаю, что нужно дышать, что нужно двигаться дальше. Только глаза – серебристые и синие.

– Сорок пять процентов…

Со мной что-то не так. Больше не держат ноги, очень хочется закрыть глаза. И холодный голос в мозгу: «Я говорил смотреть на меня? Смотри…» Он здесь главный. Временно. Или постоянно. Раб не тот, кто прикован, раб тот, кто слушает чужие слова, кто повинуется им.

Еще… Еще… Еще…

Снаружи голос начинает расплываться; тело жжет огнем – в каждой клетке свой собственный раскаленный адов котел, хочется воды, залить эту пылающую кухню хоть чем-нибудь холодным.

– Шестьдесят два процента… Три… Четыре…

«Ты меня убиваешь… Очень изощренно…»

У меня рвется от напряжения тело, а напротив стальные и синие глаза, через которые внутрь льется яд для Греры.

«Просто терпи».

Только боли все больше, кайфа все меньше. Уже не справляются центры наслаждения – иссяк их ресурс, выработались гормоны, постарели, умерли. Против вторжения Лиама не справится ни одна иллюзия, ни один химический процесс. Больно, больно, больно… И все сложнее дышать после каждого толчка, все меньше хочется смотреть в глаза напротив.

– Семьдесят три процента. Показатели ухудшаются…

«Я сдаюсь…»

«Я тебе сдамся!»

Все меньше внимания хочется обращать на чужие команды.

– Семьдесят семь…

«Кейна… Дельмар… Дельмар…»

Голос мягкий, как шелк. И мое имя, произнесенное так, будто нарисовали в воздухе сердце. Очередная иллюзия. Приятная, но она не продержалась долго. Слишком много жидкого пламени внутри, что-то сгорает, непоправимо, безвозвратно.

– Восемьдесят один процент…

Во мне уже почти нет меня.

Почему-то становится неважным то, что происходит вокруг, что на нас смотрят, что таблица с моим телом светится красным.

– Восемьдесят восемь. Дыхательная функция нарушается, нервная система выходит из строя. Лиам…

– Продолжаем.

Его голос снаружи различается мутно. Но все еще четкий тот, который внутри.

«Кейна…»

«Я тут…»

Кажется, я начинаю освобождаться – все дальше боль, все менее ощутимо ее эхо.

А снаружи:

– Девяносто один… Лиам, надо прекратить…

«Кейна».

Что-то настоящее в его голосе, человеческое. И нет, ему не все равно – мужчине с двуцветными глазами. Я вижу это только теперь. Он напряжен до предела, он понимает, что скоро я перестану слушать его команды.

«Продолжай».

Он убивает меня. Грера не выживет, я тоже.

Не знаю, как он это сделал, как мысленно взял за руку. Крепко, но очень нежно, как сжал мои пальцы так, как этого не делал никто – с чувством.

«Я тебя не отпущу».

А мне, наконец, все легче, все свободнее.

– Девяносто четыре…

Ног больше нет, ремни больше не впиваются. У него хорошая рука, теплая, а из глаз льется забота – живая, смешанная с тревогой.

«Все хорошо. Пусть так».

«Кейна…»

Странно, но перед тем, как соскользнуть с этой иглы, иглы своей несчастной жизни, я все же испытала это с ним, с этим мужчиной, – единение. Полное, настоящее. Доверие, нежность. Пусть заполняет собой на сто процентов, я пущу, мне не жаль. Жильца нет, почти выселен…

– Девяносто пять процентов.

Таблица алеет так, что фон позади Лиама кажется бордовым. Где-то лопаются внутри меня важные связи и те волоски, на которых висит мое существование.

– Девяносто шесть…

Мне пора. Больше нет ремней – они остались в другой реальности. «Спасибо за твои теплые пальцы, друг…»

Он видел, он чувствовал. Знал, что я ускользаю, что уже не удержать.

«Я тебя не отпускал!»

Всегда хотелось, чтобы кто-нибудь это сказал вот так жестко, с надрывом, сказал душой. Моя рука слабеет, соскальзывает с его – мы в разных весовых категориях, Лиам. Я тебя не выдержала. Спасибо за это. Мой СЕ кончился.

– Девяносто семь… Лиам… – голос кареглазого издалека. – Лиам, пульса нет!

– Держать искусственно! – хриплый приказ.

– Дыхания нет…

– Дышать за нее…

– Прекрати процесс!

– Нет…

– Девяносто восемь процентов, – голос системы.

Почему я забыла, как всплывать? И что жить на самом деле так легко, что дышать можно, не прерываясь на выдохи, что воздух и ты сам невесом. Нет больше чужих приказов – есть свобода…

– Девяносто девять…

Кто-то дышал за меня, моим телом. Кто-то заставлял мои легкие работать – плевать, меня в моих клетках уже нет.

– Шок всех систем!

Наверное, чтобы завершить процесс, кто-то держал и мое лицо, «взгляд не прерывать…». Он уже прервался. Наверх. Наверх. Наверх, прочь отсюда…

– Сто процентов! – этот крик донесся сквозь толщу бытия, разделяющие наши два мира. – Лиам, тормози процесс, тормози…

Работали реаниматологи.

Говорили что-то о том, что вентилируют легкие искусственно, что не дают импульсам мозга угаснуть, а после голос человека с двуцветными глазами, голос, похожий на раскаленный прут: «Запускаю сердце».

– Разряд!

Он просто приложил к моей груди руку. Никаких приборов, никаких розеток и проводов – привязанное на крюках тело с повисшей головой выгнулось от электричества. Белыми молниями осветило темную камеру.

«Кейн-а-а-а!» – крик мне вслед.

Все выше, все дальше…

Второй разряд – мотнулись пряди темных волос, запахло жженой кожей.

– Лиам…

Третий разряд…

И вдруг мне перестало хватать воздуха вновь. Чей-то возбужденный голос:

– Есть дыхание!

И еще один.

– Есть пульс!

– Ну ты даешь! – Обреченный кареглазый, наклонившийся, потерший ладонью глаза.

Я неслышно орала. Я визжала, не издавая ни звука – я не хотела сюда назад, я не желала. Адская боль, обрушившаяся на меня после возвращения в тело, казалась стократ сильнее после освежающего «небытия». Меня сдернули из рая арканом за ногу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/veronika-melan/hvost-grery

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити